

**Рецензия на работу: Археология русской смерти. Вып. 2.  
Смерть в СССР.  
М.: Информ Принт, 2016. 248 с.**

М.В. Прокофьева

**Аннотация.** «Археология русской смерти» – научный журнал, посвященный death studies в России, первый в представленной области исследований и заслуживающий особого внимания. Предметом исследований является смерть и умирание.

Являясь изначально интернет-проектом, работа имеет ряд особенностей, присущих блогосфере, и остается неразрывно связанной с интернет-пространством. Визуальное разделение текста, наполнение элементами, не присущими академическому изданию, выделяют его из корпуса привычных научных журналов.

Темой рассматриваемого второго номера создателями была выбрана «Смерть в СССР». На основании подобранного материала авторами проведена попытка показать изменение отношения к смерти в Советском Союзе, различные виды ее репрезентации и выстраивание морального дискурса. Представленные исследования социологов, антропологов, филологов и представителей смежных областей социально-гуманитарного знания затрагивают различные стороны одной темы: советская культура смерти, вопросы инстинкта смерти и жизни (Эроса и Танатоса), а также отражение смерти в киноплакатах и творчестве музыкальных групп.

Помимо раздела, посвященного основной теме, в журнале представлены и другие исследования, касающиеся death studies.

«Археология русской смерти» – это первая попытка собрать воедино исследования о смерти в России на русском языке для широкой аудитории.

**Ключевые слова:** death studies, смертность, СССР, смерть, исследования смерти, смерть в СССР.

*Review on: Archaeology of Russian Death. Vol. 2.  
Death in the USSR. Moscow: Inform Print, 2016. 248 p.*

M.V. Prokofieva

**Abstract.** “Archaeology of Russian Death” is a scientific journal devoted to the death studies in Russia, it is the first journal, presented in this field of study, deserving a special attention. The subject of the research is death and dying.

Being originated as an internet project the journal has got a number of features inherent in the blogosphere, and is inextricably linked with the Internet space. Visual text separation and content elements, which are not usual to academic publications, set it apart from the usual body of scientific journals.

“Death in the USSR” was chosen by the founders as the topic of the second issue. Based on the selected material, the authors made an attempt to show a change of attitude to death in the Soviet Union, its different types of representation and forming mortal discourse. The researches of sociologists, anthropologists, linguists and representatives of related areas of social and humanitarian knowledge touch upon different aspects of the same topic: Soviet culture of death, questions of life and death instincts (Eros and Thanatos), as well as the reflection of death in film posters and in presentations of musical groups.

In addition to the main topic, the journal represents other issues devoted to the death studies.

“Archaeology of Russian Death” is the first attempt to bring the death studies for a wide audience in Russian.

**Keywords:** death studies, mortal, death, USSR, death in USSR.

Научный журнал «Археология русской смерти» – новый проект, первый выпуск которого вышел в октябре 2015 года. В течение нескольких лет до этого антрополог Сергей Мохов и журналист Сергей Простаков вели блог, касающийся вопросов погребений, кладбищ и смерти, что и стало темой будущего журнала. Средства на издание были собраны через краудфандинг, что, по мнению главного редактора, является наиболее удобным форматом подобного издания [«Археология русской смерти»: зачем... 2015].

Заявленным направлением журнала является *death studies*, и это первый российский научный журнал, посвященный данной проблеме. Создатели указывают на слабое развитие этой области исследований в России, если сравнивать с Западом, и, говоря о причинах, называют табуированность смерти в стране на протяжении всей ее истории.

Второй выпуск журнала посвящен понятию смерти в СССР, что весьма значимо, когда речь идет о *death studies* в России, так как государство, просуществовавшее чуть более семидесяти лет, в течение своей истории так или иначе было проникнуто духом смертности.

Перед тем как перейти к содержательной части самого журнала, стоит более подробно изучить формат издания, его восприятие на первый взгляд. Действительно, начавшийся как, в первую очередь, интернет-проект, помимо элементов классического научного издания и академического формата текста, журнал содержит в себе основные характеристики современной блогосферы, визуальной ее составляющей, своего рода *storytelling*, которые так активно используют современные блогеры: выделение различными способами некоторых частей текста, на которые авторы пытаются акцентировать внимание; довольно часто появляющиеся зарисовки-скетчи (широко распространенные в интернет-пространстве в последнее время), не являющиеся предметом исследования, но отражающие особое видение содержания создателями журнала, и их в целом можно назвать вполне уместными. К тому же, по мнению главного редактора Сергея Мохова, то, что в какой-то степени журнал ориентирован по большей части на аудиторию Твиттера и Фейсбука, нельзя не учитывать [Археология смерти и постсоветского, 2015]. Весьма символична и вставка в журнал – картонная модель для сборки мавзолея Ленина как отсылка не только к самой смерти в СССР, но и просто к советскому «Собери сам».

Журнал включает в себя несколько интервью, статей, эссе, переводов, как исключительно по тематике номера, так и имеющие отношение в общем смысле к *death studies*.

Открывает номер интервью с Ниной Тамаркин о культуре Ленина и советской культуре смерти. Круг рассматриваемых вопросов весьма широк: от образа смерти в советской политической культуре до вопроса непогребенных солдат и отношения к ним, и, конечно же, о теле Ленина, как примере идеи символического

и физического бессмертия. В целом данное интервью задает тон и объясняет некоторые вопросы, которые возникают в процессе знакомства с остальной частью журнала.

Далее следуют рассуждения Светланы Малышевой о Танатосе и Эросе, об их противоборстве на определенных этапах большевистского властвования, о поражении второго и формировании некросимволизма в советском обществе. Автор пытается объяснить провал идеи ухода от сакральности смерти и лишения ее интимности, резюмируя, что именно некросимволизм и героико-танатологический пафос, исчерпав себя, более не могли выполнять свои функции. Использование категорий Танатоса и Эроса в исследованиях, касающихся отношений живых и мертвых в советском обществе, а также отношение к смерти в значительной степени оправдано и объясняет преобладание мортального дискурса, который так и не удалось вытеснить дискурсом радости.

Значительного внимания заслуживает раздел, посвященный самоубийствам советского времени. В нем представлены записи из личных дневников всего периода советской власти, в которых так или иначе воспроизводится заявленная тема. Основан данный раздел на корпусе материалов «Прожито», что само по себе явление уникальное: попытка собрать личные дневники как много большего количества людей разного периода в электронном виде и широком доступе. Выборка, которая представлена в «Смерти в СССР», позволяет проследить, как менялось отношение к самоубийству на различных этапах развития советского общества, и проанализировать причинно-следственную связь самоубийства с субъективной точки зрения автора дневника.

К слову о том, что само по себе *death studies* имеет междисциплинарный характер, как нельзя лучше иллюстрирует использование *visual studies* и *popular culture studies* в последних частях большого раздела, напрямую посвященного тематике второго номера «Археологии русской смерти».

*Visual studies* представлены анализом советских киноплакатов с точки зрения изображения на них смерти или отсылки к таковой. Функция киноплакатов всегда заключалась в том, чтобы привлечь как можно больше зрителей путем изображения одного или нескольких фрагментов в рамках единого изображения. Этим обусловлено то, что именно и каким образом изображалось на плакате. Особое внимание Анна Котомина уделяет образу смерти с той лишь оговоркой, что данное исследование является частью более обширного, посвященного советскому киноплакату в целом. Автор показывает, как трансформировалось отношение к смерти в киноплакате, рассуждает о том, с какой целью она изображалась и какой в себе заключала месседж. Направление взгляда героя, перспектива в рисунке, цвет самого плаката – все этой в той или иной степени отражает суть послания. Интересно изменение изображения мертвого тела на ранних плакатах и на плакатах восьмидесятых. Если в начале века тело представляло собой и позиционировалось как человеческое, то на закате советской эпохи оно уже больше отождествлялось

с предметом или вещью. Автор относит киноплакаты к единой системе массмедиа, как к одному из каналов тиражирования «основополагающей фабулы», и объясняет резкое изменение содержания плакатов именно потерей интереса к ней и ее значимости.

Исследование Сергея Простакова, представленное в номере, призвано объяснить отношение к смерти советского периода в творчестве весьма характерных и неоднозначных музыкальных проектов. Автор говорит о специфике героев, событий или явлений. Ключевой является афганская тема в творчестве одной из музыкальных групп, которые появились совсем недавно, но по звучанию и по основным чертам героя выражают специфику музыкальных групп восьмидесятых. Песня «Шуба из Афгана» группы Несмеяна повествует о событиях, которые происходили в обществе в период Афганской войны. На тот момент, говорит автор, мы имели общество потребления, которое использует, казалось бы, весьма сакральный предмет – гроб, а именно цинковый груз-200, как способ переправки дефицитных товаров. Об этом и повествует героиня в песне на весьма задорный мотив. Что мы можем сказать по этому поводу? Тема афганской войны до сих пор актуальна, тем более что транслятором явились люди, которые практически и не застали советскую власть.

На этом заканчиваются статьи и исследования, посвященные непосредственно теме номера.

В интервью с Александром Эткингом обсуждаются основные направления его книги «Кривое горе: память о непогребенных»: особенности русского формализма, работа памяти и горя, роли истории и историка в рамках вопроса невинно убитых и непогребенных. Следует отметить, что автор книги в интервью разграничивает десталинизацию и память о Второй мировой войне, а смешение прошлого и настоящего в этом вопросе называет меланхолией.

Рубрика «вопрос-ответ» посвящена особенностям политики по отношению к мертвым; присутствуют рассуждения о возможности копирования коммунистической идеологией христианских моделей, и о политике перезахоронения тел умерших (отличительные черты в этом вопросе России и США), и о «политической жизни мертвого тела» в кинематографе.

Некролог в небольшом городе – тема следующего раздела, привлекающая мое особое внимание. Бытование некролога в месте, где по сути все друг друга знают, и смерть каждого значимого члена этой узкой общности вызывает резонанс. Эта скорбь, которая становится общей, в какой-то мере говорит об единении общества в этот трагический момент. А некрологи являются связующим звеном между покойным и остальными горожанами.

Следующая часть журнала, которая являет собой перевод статей по вопросу антропологии, выстраивает цепочку вопросов, относящихся к практическому применению в этнографическом исследовании личного опыта, само понятие личного опыта

одного конкретного человека и объяснения отношения к смерти с точки зрения культуры, фольклора, ритуала и взаимосвязи этих понятий при трактовке современным обществом смерти. В этой рубрике главный вопрос – взаимоотношение практического и теоретического в работе антрополога.

В заключении журнала представлен обзор литературы, который несомненно будет полезен тем, кто намерен заниматься исследованиями в области death studies.

Подводя итог, можно сказать, что представленное научное издание представляет собой яркий пример отношения к науке современного человека. И сам по себе современный человек в полном смысле этого слова и есть целевая аудитория, основной читатель данного журнала, легкого для восприятия и отвечающего вызовам времени. Являясь научным, журнал «Археология русской смерти» будет интересен не только представителям академической среды.

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

«Археология русской смерти»: зачем издавать журнал о могилках, кладбищах и погребении // *FURFUR – ежедневный молодежный журнал и сообщество его читателей*. 07.10.2015. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/215183-zachem-izdat-zhurnal-pro-smert> (дата обращения: 10.09.2016).

Археология русской смерти. Смерть в СССР. М.: Информ Принт, 2016. 248 с.

Археология смерти и постсоветского // *The Вышка – студенческое СМИ, созданное на базе Высшей школы экономики*. 29.09.2015. URL: <http://theyvshka.ru/2015/09/29/death-study-and-last30> (дата обращения: 12.09.2016).

## REFERENCES

«Arheologija russoj smerti»: zachem izdatat' zhurnal o mogilkah, kladbishhah i pogrebenii [«Archaeology of Russian Death»: Why Publish a Magazine about the Graves, Cemeteries and Burial], in: *FURFUR – ezhednevnyy molodezhnyy zhurnal i soobshchestvo ego chitateley*. 07.10.2015. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/215183-zachem-izdatat-zhurnal-pro-smert> (available at: 10.09.2016) (in Russian).

*Arheologija russoj smerti. Smert' v SSSR* [Archaeology of Russian Deaths. Death in the USSR]. Moscow: Inform Print, 2016. 248 p. (in Russian).

*Arheologija smerti i postsovetskogo* [Archaeology of Death and Post-Soviet], in: *The Vyshka – studencheskoe SMI, sozdannoe na baze Vysshey shkoly ekonomiki*. 29.09.2015. URL: <http://theyvshka.ru/2015/09/29/death-study-and-last30> (available at: 12.09.2016) (in Russian).